

К 105-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха

В.А. Воропаева

Проблемы кочевой цивилизации в творческом наследии Ю.Н. Рериха

Исследование кочевого Востока стало одной из наиболее актуальных задач исторической науки XX века. Традиционная цивилизация кочевников Центральной Азии, включавшая в себя мало изменившийся со времен Средневековья быт, способ ведения хозяйства, культуру, хранившую предания веков, претерпевала процесс стремительной трансформации. После Центрально-Азиатской экспедиции Юрий Николаевич Рерих отметил: «Центральная Азия была колыбелью и местом встречи многих азиатских цивилизаций, и в труднодоступных горных долинах до наших дней сохранились многие бесценные лингвистические и этнографические материалы, которые могут послужить реконструкции прошлого Азии». Эти слова Ю.Н. Рерих написал в 1929

Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи во время Центрально-Азиатской экспедиции

году, и их можно расценить как вызов культуры прошлого. Этот вызов звучит и сегодня.

В исследовании истории кочевого Востока Ю.Н. Рерих активно включился, обладая огромным багажом знаний. За годы учебы в Европе блестяще освоивший философию и культуру Запада, владевший многими западными языками, талантливый лингвист, историк, этнограф, археолог, энциклопедически образованный ученый, он уже в свое время представлял то синтетическое направление востоковедения, которым могла гордиться не только российская, но и мировая наука. Знание восточных языков и диалектов позволило ему до тонкости изучить культуру Востока, его историю и философию. Он создал блестящие труды по культуре кочевников и по праву признан одним из основателей науки номадистики – науки о кочевниках.

Труды, где Ю.Н. Рерих изложил результаты своих исследований, проведенных в Центрально-Азиатской экспедиции, свидетельствуют об огромной значимости выдвинутых им идей, многие из которых до сих пор не получили должной оценки ученого мира. «Тибетская живопись» (1925), «Современная тибетская фонетика» (1928), «Монголия. Путь завоевателей» (1929), «“Звериный стиль” у кочевников Северного Тибета» (1930), «Каталог Тибетской коллекции» (1930), «По тропам Средней Азии» (1931) – через эти труды, опубликованные по горячим следам экспедиции, просматривается важнейшая для сегодняшнего дня проблема исследования духовного и психологического мира кочевников, а через нее – идея о едином культурном пространстве Евразии.

К сожалению, современные ученые смогли прочесть некоторые труды Ю.Н. Рериха только после перевода их на русский язык и публикации в 1999 году в сборнике «Тибет и Центральная Азия», на страницах которого просто необходимо изучить еще «Расцвет ориентализма», «Культурное единство Азии», «Свен Гедин» и многие другие.

Следует заметить тем не менее, что 7–9 октября 2002 года на Международной научно-общественной конференции, прошедшей в МЦР и посвященной 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, кыргызский ученый И.Б. Молдобаев выступил с докладом «К вопросу о сравнительном изучении эпосов “Гесэр” и “Манас” в свете трудов Ю.Н. Рериха». Это была первая ласточка в подходах к проблеме эпоса в едином культурном пространстве кочевой цивилизации в связи с творческими исканиями Ю.Н. Рериха. Кыргызский археолог В.Д. Горячева сообщила о памятниках буддизма на территории Кыргызстана – их в свое время предложил своим ученикам изучить Ю.Н. Рерих.

Немалое место в творчестве Юрия Рериха занимает исследование проблемы возникновения и исторического значения кочевых империй. Этой огромной проблеме, начиная с древнейших времен, посвящен труд Ю.Н. Рериха «История Средней Азии», в котором содержится научное обобщение его исторических концепций по проблемам кочевой цивилизации. Основа этой книги на русском языке была написана еще в 1936–1939 годах, однако первый ее том увидел свет только в 2004 году. Предисловие подготовлено кыргызскими учеными: академиком В.М. Плоских и председателем Тянь-шаньского общества Рерихов Е.В. Трояновой.

Каковы же главные культурные традиции кочевников, которые позволили выдвинуть идею о едином культурном пространстве Евразии?

Обследование кочевых погребений в Китайском Туркестане, на Алтае, в Западной Монголии и Тибете позволило обнаружить следы «звериного стиля» у кочевых племен не только Северного, но и Центрального Тибета и тем самым продвинуть южную границу его распространения значительно южнее Тянь-Шаня, к северным склонам Трансгималаев. И здесь Ю.Н. Рерих замечает: «Находки нескольких “звериных” мотивов, хорошо известных из скифо-сибирских курганов, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии. Эти древние контакты многократно упоминаются в исторических хрониках Китая»¹. Они же свидетельствуют о том, что в 209–201 годах до н. э. в этом регионе располагались владения Кыргыз Го.

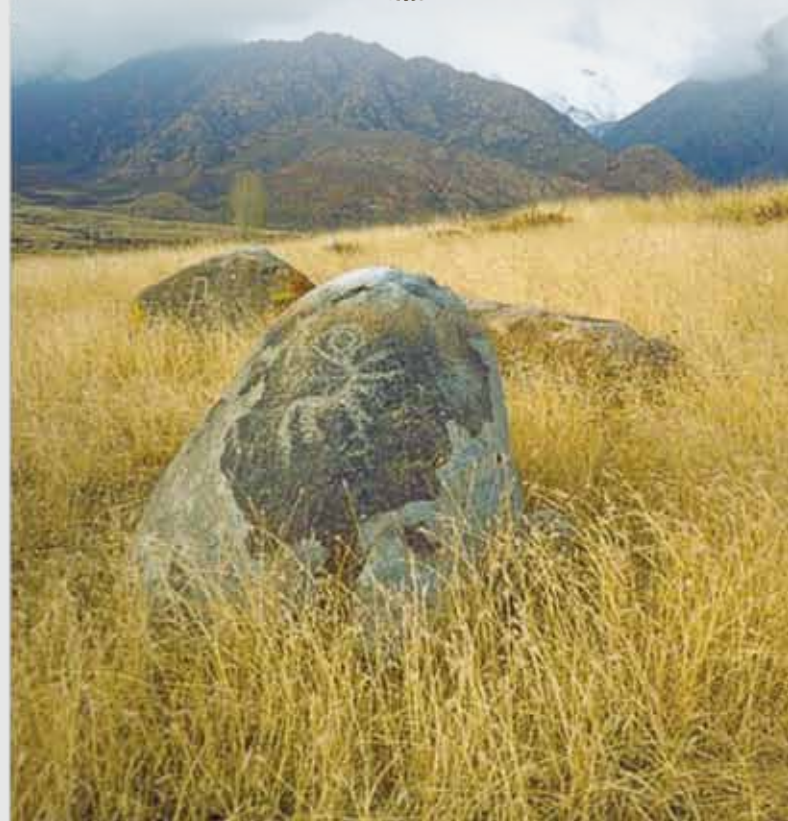
Речь идет об этнониме «кыргыз», который дал название современному кыргызскому государству. Многочисленные научные изыскания подтвердили гипотезу о том, что искусству саков, древнейших кочевников, кочевавших в I тыс. до н. э. по территории современного Кыргызстана и Казахстана, также был свойственен «звериный стиль». В Тибете, Китайском Туркестане, Кыргызстане, Казахстане, в причерноморских степях – повсюду обнаруживаются его следы.

Открытие «звериного стиля» в художественной орнаментике и убранстве оружия кочевников Тибета оказалось созвучным с теорией (в частности, П.И. Савицкого) о единстве древних кочевых культур с культовой символикой племен, занимавших некогда обширные пространства Великой Евразийской степи.

Подчеркивая силу культурной традиции, Ю.Н. Рерих отмечает, что никакое мощное влияние властей или очень сильных соседних государств не может уничтожить пережитки древнего кочевского искусства. На Великом пути паломников к священной для индуистов и буддистов горе Кайлас, который проходил ближе к северо-западу от озера Манасаровар, Ю.Н. Рерих встретил паломников из кочевых племен и пришел к выводу о том, что именно здесь, на этом древнем пути на дальний Тибет, кочевниками Кукунора и верховьев Желтой реки была привнесена исконно кочевая культура с ее «звериным стилем» и традицией племенного эпоса. Древний кыргызский эпос носит название «Манас».

«Через всю Центральную Азию тянется пояс степных и горных пастбищ – колыбели могу-

Предметы в «зверином стиле». Средняя и Центральная Азия

¹ Рерих Ю.Н. «Звериный стиль» у кочевников Северного Тибета // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 30–31.

◀ *Балбал. VI–X вв. Семид-Бель, Иссык-Кульская котловина*

щественных кочевнических союзов. До недавнего времени считалось, что южная граница пояса курганных погребений проходит вдоль Тянь-Шаня и нескольких параллельных хребтов Монгольского Алтая, проникая далеко в глубь пустыни Гоби»², – писал Ю.Н. Рерих в исследовании «Культурное единство Азии». Все эти погребения разбросаны по отрогам горных хребтов Тарбагатай и Джаира, по северным отрогам Тянь-Шаня, Джунгарским степям и далее. И эти открытия ученого вливаются в формирующуюся гипотезу о едином культурном пространстве Азии.

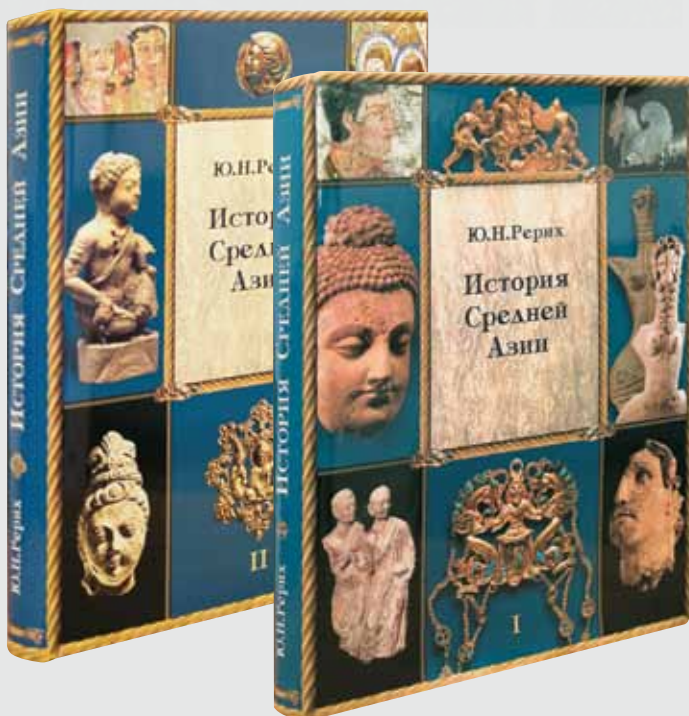
На этом же древнем кочевом пути Юрий Рерих обратил внимание на мегалитические каменные сооружения типа менгиров и кромлехов, которые с очевидностью свидетельствовали о древнейшем заселении горной страны. Эти находки подвинули семью Рерихов на еще более неизведанное для того времени предположение о едином евразийском культурном пространстве. В работе «Сердце Азии», изданной в 1929 году в Нью-Йорке, Николай Константинович пишет: «Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее бон-по, может быть, как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае это открытие завершило наши исследования следов движения народов»³.

И вновь в который раз Юрий Николаевич заявляет о необходимости дальнейших археологических исследований Тибета и связанного с ними евразийского кочевого мира. Тибетские исторические хроники и литературные документы изобилуют сведениями о пограничных кочевых племенах, их истории, обычаях и свидетельствуют о потрясающем воздействии, произведенном грандиозными по размаху событиями, разыгравшимися на обширных пространствах Внутренней Азии. А события происходили действительно потрясающие и касаются они древнейшего периода истории, над которым ученые до сих пор ломают головы, пересматривая концепции истории протоиндоариев.

Прежде чем приступить к этой исторической проблеме, Ю.Н. Рерих дает географическое понятие «кормящему» (по Л.Н. Гумилеву) ландшафту, среде обитания кочевников: «Под понятием

² *Рерих Ю.Н. Культурное единство Азии / Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. С. 30.*

³ *Рерих Н.К. Сердце Азии. Нью-Йорк. 1929. С. 71.*

Ю.Н. Рерих. История Средней Азии

“Средняя Азия” мы понимаем всю совокупность областей, простирающихся от Кавказа на западе до Большого Хинганского хребта на востоке...»⁴ Тянь-шаньская горная система занимает центральное и выдающееся положение в орографии Средней Азии, считает Ю.Н. Рерих.

Некоторые ученые уже давно указывали на Среднюю Азию как на один из основных центров расселения человека – пояс среднеазиатского «месторазвития». Ю.Н. Рерих замечает, что понятие «среднеазиатское месторазвитие» обнимает одновременно и социально-экономическую сре-

ду, и занятую ею географическую территорию. И в этом плане проблема доисторического населения Средней Азии и сопредельной с ней Южной Сибири находится в общей связи с проблемами прародины племен и народов, говорящих на индоевропейских языках. А древнейший период истории народов Средней Азии является эпохой преобладания индоевропейских племен и народов в северном степном поясе – поясе среднеазиатского месторазвития.

Далее Ю.Н. Рерих замечает, что северный степной пояс, занимающий значительную часть сред-

⁴ Рерих Ю.Н. История Средней Азии. В 2 т. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 32.

Ю.Н. Рерих около статуи Гуга Чохана. Кулу

Петроглифы на Чуйском тракте

неазиатского мира, является одним из древнейших центров скотоводческого кочевого быта. Именно здесь, в поясе северных степей, «произошло приручение верблюда, который еще встречается в диком виде в районе Лобнора. Весьма вероятно, что выездка верхового коня началась также в степном поясе, где также еще можно встретить лошадь в диком виде в районе степей и предпустынь Джунгарии и в сопредельной с ней Западной Гоби. Неолитические племена северного степного пояса, несомненно, были конными кочевниками. Конно-кочевниками выступают и первые индоевропейские племена, появившиеся на северных границах культурных оседлых стран Древнего Востока в середине

⁵ Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. 1. С. 79.

⁶ Brandenstein W. Aie erste indogermanische Wandezung. 1936; Keith Bezziedale A. The Home of the Indo-Europeans // IHG, XIII, 1 (1937), p. 1–30.

III тыс. до н. э. На расписной керамике Сузского некрополя (III тыс. до н. э.) уже встречаются изображения лошади. <...> К этому же типу принадлежат лошади скифов и лошадь современных киргизов и монголов»⁵. Юрий Рерих ссылается при этом на археологические открытия ученых Казахстана, Киргизии, Алтая и Минусинского края. Среди них видим труды А.Н. Бернштама: «Историческое прошлое киргизского народа» (Фрунзе, 1942), «Археологический очерк Северной Киргизии» (Фрунзе, 1943), «Памятники старины Таласской долины» (Фрунзе, 1943), «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала» (Фрунзе, 1942), «Кенкольский могильник» (Л., 1941).

В подтверждение азиатского происхождения древних индоевропейских племен Ю.Н. Рерих приводит концепцию австрийского ученого Вильгельма Бранденштейна⁶, который считает, что на основании анализа лингвистических данных можно установить две стадии в развитии индоевропейского языка, соответствующие двум различным месторазвитиям. Согласно В. Бранденштейну, древние индоевропейцы первой стадии осели в степном районе с сухим континентальным климатом, каковым являются степные пространства Казахстана и Киргизии...

Исследования, проведенные Ю.Н. Рерихом, говорят о том, что зоной распространения древних индоевропейских племен является все протяженные северного степного пояса, от Карпат на западе до Тянь-Шаня на востоке (Галицко-Дунайский бассейн, южно-русские степи, урало-оренбургские степи, Семиречье и горно-степные пастбища Западного Тянь-Шаня). Кроме этого, Ю.Н. Рерих считает, что и по обе стороны Уральского хреб-

Фото А.В. Шапошниковой

Фото А.В. Шапошниковой

Петроглифы Елангаша

та лежат все те же пустынно-степные пространства, сходные как в климатическом, так и в орографическом отношении. События, разыгравшиеся в восточной части этого пояса, неминуемо отражались в западной его части. Великие переселения народов раннего Средневековья, начавшиеся в степях Притяньшанья, докатывались до равнин Паннонии⁷ – естественного рубежа степного пояса на западе. Часть древних индоевропейских племен, вероятно, кочевала и на востоке от указанной степной зоны, вдоль пояса тянь-шаньских и баркельских горных пастбищ. Ю.Н. Рерих обнаружил также единственное соответствие греческому слову «сын» в тохарском языке на далеких восточных окраинах Туркестана⁸.

Исследуя феномен Великого переселения народов, Ю.Н. Рерих писал: «Историки не раз ставили вопрос об истинных причинах этих колоссальных передвижений народов. Только с большой натяжкой можно объяснить миграции тем, что кочевники время от времени должны были искать новые пастбища для своих стад. Верно то, что в процессе этих миграций кочевники могли преодолевать огромные расстояния. Но поиски пастбищ – это не та причина, которая может дать ответ на вопрос об истоках нашествий и завоеваний, сотрясавших не только страны Востока, но и беспорядочным потоком захлестнувших в Средние века сердце Европы. <...> Одна за другой появлялись и исчезали на сцене истории различные народы. Невозможно добраться до источника этого мощного потока. Мы встречаемся здесь с необъясненным еще феноменом жизни кочевых народов, с новой для нас проблемой психологии “орды”»⁹. Эти рассуждения Ю.Н. Рериха, предвосхищающая теорию пассионарности, обоснованную гораздо позднее Л.Н. Гумилевым, подвигают на новые исследования этого действительно «необъяснимого феномена жизни кочевых народов».

Своими многочисленными трудами Ю.Н. Рерих подтвердил вывод: «Пространство человеческих знаний непрестанно расширяется, и как по волшебству появляются все новые горизонты. Беспредельность возможного манит не знающий покоя человеческий разум, не страшась сжечь то, что им уже познано: только такое состояние открывает путь к настоящей научной работе»¹⁰.

⁷ Паннония – римская провинция, образованная в VIII веке н. э., занимала западную часть территории современной Венгрии, северную часть современной Югославии и восточную часть современной Австрии.

⁸ Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. I. С. 95.

⁹ Рерих Ю.Н. Расцвет ориентализма // Ю.Н. Рерих. Тибет и Центральная Азия. С. 17–18.

¹⁰ Там же. С. 13.

Поясная пряжка с изображением оленей.
Серебро. I в. до н. э. – I в. н. э.
Чуйская долина, Бишкек

Фото А.В. Шапошниковой

Ю.Н. Рерих

«Звериный стиль» у кочевников Северного Тибета*

За последние годы особо отчетливо встал перед наукой востоковедения вопрос об исторической роли и культурном влиянии кочевых племен Средней Азии и южнорусских степей на древние культурные очаги Ближнего и Дальнего Востока.

Великие кочевые империи, колоссальные по замыслу и занимаемому географическому пространству, остаются и поныне почти неисследованными. Исторические анналы и литературные памятники их соседей изобилуют сведениями о кочевых племенах, их быте и истории и свидетельствуют о глубоко впечатлении, произведенном стихийностью и размахом событий, разыгрывающихся в степных пространствах Внутренней Азии.

Единственными вещественными памятниками этих народных сдвигов являются многочисленные группы курганов, или могильников, разбросанных на всем протяжении Русско-Азиатских степей, этой несравненной области кочевого быта. Громадное большинство этих погребений еще ждет своего исследователя.

Яркий интерес, вызванный замечательной стилизацией искусства кочевников, а также широкое распространение этого стиля среди разнообразных племенных групп Внутренней Азии и громадное влияние его на искусство соседних культур поставили на очередь вопрос о культурной роли кочевников. Кочевниковедению – этой новой отрасли восточной археологии – принадлежит в будущем восстановить картину кочевого мира, этого звена между культурами Древнего Китая, Индии и бассейна Средиземного моря.

Широкий пояс курганных погребений, оставленных кочевыми племенами, простирающийся от Венгерской равнины до Западного Китая, изучен

только частично. Почти полностью отсутствует систематическое археологическое исследование кочевого прошлого. Большинство среднеазиатских¹ экспедиций обращало главное внимание на обследование «городских» оазисных культур, расположенных вдоль великих караванных путей, связывающих Китай с Ближним Востоком. <...>

Остаются малоисследованными многочисленные погребения, разбросанные по травянистым отрогам горных хребтов Тарбагатай и Чжаира, по северным отрогам Тянь-Шаня, Джунгарским степям, Монгольскому Алтаю, пустынным хребтам Карлыктага и их Гобийскому продолжению, скалисто-тому хребту Коко-тюмюртейн-ула, а также богатейшие погребения Урянхайского края, Западной Монголии (горная система Хангая) и почти неисследованная речная долина Керулена в Восточной Монголии. На всем протяжении пустынной полосы Внутренней Азии тянется этот травянистый пояс степных и горных кочевий – колыбели мощных племенных союзов. Южной границей распространения курганных погребений и других памятников кочевого прошлого в Средней Азии считали Тянь-шаньский хребет и параллельные хребты Гобийского Алтая, далеко уходящие в великую Монгольскую пустыню. За последние годы эта граница значительно отодвинулась к югу и юго-востоку. Исследования Dr. J.G. Andersson открыли нам картину богатой кочевой культуры в районе Ордоса (Южная Монголия), восточного Ганьсу и монголо-китайской пограничной полосы.

В 1925–28 гг. Средне-Азиатской² экспедиции академика Н.К. Рериха, производившей обследование кочевых погребений в пределах Китайского Туркестана, Алтая, Западной Монголии и Тибета, удалось открыть следы «звериного стиля»

* Печатается в сокращении по изданиям: Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М., 1992; Roerich N. The Animal Style Among the Nomad Tribes of Northern Tibet. Seminarium Kondakovianum. Prague, 1930. Географические названия и специальные термины приведены в соответствие с современными правилами.

¹ В начале XX века Средней называлась Центральная Азия. – Прим. ред.

² Здесь и далее имеется в виду Центрально-Азиатская экспедиция (1924–1928). – Прим. ред.

среди кочевых племен Северного и Центрального Тибета и тем самым продвинуть южную границу распространения этого стиля значительно на юг к северным склонам Трансгималаев. Пустынные нагорья Тибета неожиданно оказались богатыми остатками древней кочевой культуры, дремлющей и в быте современных кочевников-тибетцев. Находки целого ряда «звериных» мотивов, хорошо известных из раскопок скифосибирских погребений, еще раз подчеркнули древнюю связь кочевого Тибета с богатым кочевым миром Внутренней Азии, о котором неоднократно свидетельствуют исторические анналы Китая.

Периферические области Южного и Восточного Тибета с их глубокими и узкими речными долинами граничат на севере и северо-востоке с высокими травянистыми нагорьями, которые издревле служили пастбищами для кочевого скотоводческого населения. Этот пояс нагорных пастбищ с средней высотой в 13 000–15 000 футов обозначается туземными тибетскими географами под именем «док», или «кочевье», т. е. земля, непригодная под земледелие. Отсюда слово «док-па» – кочевник, скотовод. Этот высокий нагорный пояс кочевий, особенно в южной своей части, населен несколькими кочевыми племенами – Nyu-rong-wa, Chang-ra (северяне), Ног, Рапак и Golok, последние не представляют этнически однородной группы, а являются кочевой вольницей Северного Тибета, в чьи кочевые просторы бежали все недовольные из областей, подвластных Китаю и правительству Далай-ламы.

Все эти племена, оторванные от внешнего мира, сохранили примитивный кочевой быт, а также своеобразные говоры, полные архаизмов, детальное изучение которых прольет свет на фонетический строй древнетибетского языка. <...>

Речные долины Цангпо (Tsang-po, или Brahma-putra), Кьи-Чу (Ky-i-chu), Ньян-Чу (Nyang-chu) и Ярлунг (Yalung) явились центрами тибетского государственного строительства. Но Юг не был единственным направлением племенного движения, другая мощная группа тибетских кочевых племен двинулась к юго-западу от Кукунора в направлении на северное нагорье Тибета, или Чантанг (Chang-thang). Достигнув северных отрогов громадного горного хребта Ньен-чен Тангла (Nyen-chen Thang La), кочевые племена вынуждены были повернуть на запад вдоль северных отрогов Трансгималаев в поисках удобного прохода через горы. Великий паломнический путь, ведущий из Нагчу (Nagchu) через область Намру (Namru) и Нащан (Nag-tshang) к священной вершине Kailasa, по всей вероятности представляет древний кочевой путь, по которому происходило продвижение тибетских племен на дальний запад тибетского нагорья.

Эти кочевые племена, сдвинутые со своих кочевий в области Кукунора и верховий Желтой реки, принесли с собой свою исконную кочевую культуру, племенной эпос, а также кочевое искусство с характерной «звериной» орнаментикой.

Исторические анналы Китая содержат богатый материал по кочевникам Тибетской окраины. Мы знаем об их перекочевках, их союзах с хуннами и набегах на китайскую территорию. В анналах первой династии Хань содержится ряд сведений о тибетских племенах – цзянах.

Китайские императоры эпохи Хань всемерно стремились нарушить союзы между хуннами и цзянами-тибетцами. В течение своих многочисленных военных операций, направленных к усмирению границы и восстановлению безопасности торгового караванного пути на Китайский Туркестан, они неоднократно стремились изолировать тибетцев от хуннов. Эпоха VII и VIII вв. по Р. Хр. ознаменовалась крупными военными походами тибетских племен. Набеги тибетской конницы распространились на весь Китайский Туркестан и собственно Китай.

Период XI–XII вв. был эпохой расцвета Тангутского царства Си-ся, занимавшего низменность Ганьсу и прилегающие к ней области Внутренней Монголии (бассейн Эцзин-Гола – Западная Алашань).

В течение последующих столетий повторные волны монгольских нашествий отбросили тибетские (тангутские) племена обратно на нагорья Кукунора и верховья Желтой реки.

Кочевники современного Тибета составляют совершенно особую часть населения страны. Детальное лингвистическое и этнографическое исследование страны кочевников Северного Тибета неминуемо прольет новый свет на эпоху великих переселений в пределах Внутренней Азии.

Средне-Азиатской экспедиции академика Н.К. Рериха удалось открыть целый ряд интересных памятников далекого кочевого прошлого. Все открытые памятники распадаются на три класса:

- 1) Погребения (каменные могилы, курганы).
- 2) Мегалитические памятники (менгиры, кромлехи, ряды менгиров).
- 3) Предметы в «зверином стиле», находимые в могильниках, а также бытующие в современном обиходе кочевников.

Из вышеприведенного списка памятников видно, что весь имеющийся материал распадается на археологический и этнографический. <...>

Интересно отметить факт, что район распространения каменных могил совпадает с районом распространения мегалитов и находок предметов

в «зверином стиле», а также характерных бронзовых наконечников стрел.

В большинстве случаев каменные могилы Северного Тибета встречаются небольшими группами в две-три могилы. Обширных могильников наподобие северомонгольских не встречалось. Как и в Монголии, могильные насыпи, а также группы мегалитов встречаются по преимуществу на южных склонах гор. (Срав. аналогичное наблюдение Г.И. Боровки, Северная Монголия. II, 1927, стр. 44.)

Приступая к описанию каменных могил Тибета, невольно напрашивается сравнение с аналогичными погребениями Северной Монголии. В Монголии изученные погребения распадаются на 4 класса:

1) Могилы с оградой из поставленных на ребро каменных плит. Эти могилы, по всей вероятности, следует относить к скифосибирской культуре, т. е. VII–V вв. до Р. Хр.

2) Курганы с каменной насыпью.

3) Могилы с центральной каменной кучей и каменными же выкладками вокруг них, так называемые керексуры. По всей вероятности, эти могилы принадлежат к тюркской эпохе Монголии (VII–VIII вв. по Р. Хр.).

4) Тюркские княжеские могилы с каменными фигурами («бабами»), относятся к VII–VIII вв. по Р. Хр. <...> (рис. 1).

В настоящее время почти невозможно определить древность погребений Тибетского нагорья. Местные кочевники показывали черепные коробки, найденные при случайных раскопках могил. Эти находки черепов указывают на принадлежность этих каменных могил к какой-то длинноголовой расе, которую, быть может, следует поставить в связь с длинноголовыми погребениями Урянхайского края и Минусинских степей.

Небезынтересно провести параллель между каменными могилами Северного Тибета и так называемыми «дардскими» могилами, открытыми моровскими миссионерами в местечке Теу-гсер-по (Teu-gser-po), в окрестностях города Леха, столицы Малого Тибета, или Ладака. <...>

Провести параллели между каменными могилами Северной Монголии и Алтая и каменными

погребениями Тибета весьма трудно, хотя следует отметить факт больших аналогий между обоими видами погребений.

Бедность находок не позволяет углубить сравнительное изучение и приходится ожидать дальнейших изысканий в этой области.

Академик В.В. Радлов в своем большом Атласе монгольских древностей³ указывает, что тип каменных (плиточных) могил Северной Монголии напоминает погребения бронзового века в долине р. Енисей. Известные аналогии существуют также с погребениями, раскопанными д-ром Талько-Грынцевичем в Забайкалье⁴.

Недавние раскопки ученого хранителя Эрмитажа Г.И. Боровки в северной Монголии (археологическая разведка в долине р. Толы к юго-западу от Урги⁵) показали, что каменные (плиточные, по терминологии Боровки) могилы принадлежат к скифосибирской культуре. <...>

Экспедиции академика Рериха посчастливилось открыть ряд мегалитических памятников к югу от Великих Озер.

Это были первые мегалиты, открытые к северу от Гималайских гор.

В урочище Доринг (Do-ring), находящемся в тридцати милях к югу от большого озера Пангог Цо-ча (Pang-gong tsho-cha), экспедиция открыла группу мегалитов, состоящую из восемнадцати рядов менгиров (рис. 2), расположенных параллельно и ориентирующихся с запада на восток. На западном конце рядов (aliments) находился кромлех, состоящий из двух концентрически расположенных кругов камней. В центре внутреннего кромлеха стояли три менгира, причем впереди каждого стоял каменный алтарь, или lha-tho. Центральный менгир, высотой в 2,75 м, носил следы возлияния маслом. На наши вопросы старшины местных кочевников сообщили, что в среднем менгире обитает дух (lha) – покровитель странников. Возлияние маслом предохраняет путников от несчастий в пути и болезней. Название урочища Do-ring – «длинный камень» происходит, по словам старшин, от этого менгира. <...>

Мегалиты в горном урочище Лапчунг (Lap-chung) к северу от высокого горного перевала Сан-

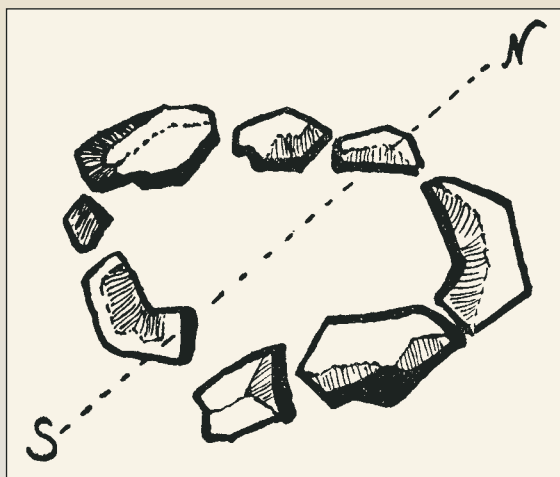

Рис. 1. Каменная могила (урочище Рати)

³ Радлов В.В. Сибирские древности. Матер. по арх. России, т. т. 3, 5, 15, 27. СПб., 1888, 1891, 1892, 1902.

⁴ Талько-Грынцевич Ю. Древние памятники западного Забайкалья. Труды XII Археолог. Съезда, Москва, 1905.

⁵ Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Северная Монголия, Пг., 1927.

гмо (Sangmo) (около 20 000 футов) были почти занесены лесом, принесенным с междугорной равнины, так что только верхушки камней позволяли определить план расположения. Пробная раскопка показала, что камни уходят на значительную глубину. К сожалению, пришлось прекратить разведку по требованию местных кочевников, которые следовали общетибетскому поверью о неприкосновенности земных недр.

Вторым, но более редким типом мегалитических сооружений является кромлех с несколькими менгирами (обычно три) в центре, но без рядов менгиров и выложенных камнями стрел. Такие кромлехи, или круги камней, были найдены по дороге из урочища Лапчунг в урочище Рати (Rati)⁶.

Две мили к востоку от Сагадзонга (Saga-dgong), по дороге (чжъя-лам) на Лхасу экспедицией был найден высокий менгир (выше 4 метров). Менгир носил следы обильных возлияний маслом и со всех сторон был окружен маленькими пирамидами из белых камней. По расследованию оказалось, что менгир является местом древнего добуддийского культа духа-покровителя района Сага, но что буддийские проповедники во время обращения края в буддизм объявили камень (до-ринг) обителью богини Палден Лхамо (Pal-den lha-mo)⁷.

Для полного уяснения значения мегалитов в Тибете придется внимательно просмотреть многотомную религиозную литературу Вон.

В настоящее время еще невозможно определить древность тибетских мегалитов. Относятся ли они к позднему неолиту или к бронзовому веку – вопрос этот будет разрешен только после детальных обследований Тибетского нагорья. Находки бронзовых предметов в области распространения мегалитических памятников как будто указывают на возможность отнесения их к началу бронзового века.

Мы уже упомянули факт, что район распространения каменных могил и мегалитических памятников совпадает с районом распространения «звери-

ного стиля». По обследованию кочевых областей Северного Тибета выяснился интереснейший факт выделки современными кочевниками медных и серебряных предметов, подражающих в орнаментике древним мотивам «звериного стиля». За последние годы предметы, украшенные в «зверином стиле», стали быстро исчезать и на их месте стали появляться предметы, украшенные в чисто тибетском стиле.

Этому немало способствовало уменьшение торговых сношений с областями Амдо (Amdo) и Дерге (Derge) и усиленный ввоз лхасских изделий.

Находки предметов в «зверином стиле» ограничены областями Амдо и Дерге на северо-востоке Тибета и обширными областями Нампу (Namru) и восточный Нагуан (Nag-tshang).

Область Дерге с главным монастырем-центром Дерге-Сончен является главным центром металлических изделий всего Тибета. Храмовые сосуды и предметы быта, покрытые богатой орнаментикой, серебряные бляхи и холодное оружие – все поставляется мастерскими этой области. Современные художественные мастерские находятся под сильным влиянием соседнего Китая, но на более старых изделиях еще сохранились древние мотивы «звериной» орнаментики.

Исследования экспедиции показали, что область Нуб-Хор (Nub-hor), или Западный Хор,

является главным районом распространения «звериного стиля».

Границы области трудно поддаются определению. В большинстве случаев граница пролегает вдоль горных хребтов, хотя во многих случаях племена Хор кочуют по обеим сторонам границы. <...>

Область Хор представляет травянистое нагорье, издавна служившее пастбищами кочевому населению. Кочевники, населяющие область Западный Хор, представляют этнически смешанный тип, весьма отличный от остальных кочевников Северного Тибета. Кочевники Хор делятся на пять племен. Все эти пять племенных групп управляют-

Рис. 2. Мегалитический памятник в урочище Доринг (1, 2, 3 – менгиры)

⁶ Dr. A.H. Francke (Antiquities of Indian Tibet, 1914, p. 22) упоминает о существовании «Stone pole» (menhir) в местечке Роо в долине р. Suttlej.

⁷ Мегалитические памятники, состоящие из менгиров и рядов менгиров, были найдены в районе Kulu, Западные Гималаи. В настоящее время Институт научных исследований в Гималаях (Himalayan Research Institute of Roerich Museum) производит обследование этих групп мегалитов.

ся племенными старшинами, или gem-ro. Во главе племенного объединения стоит областной старшина, или de-rön (Sde-Drön). Кроме того, тибетским правительством назначается Верховный комиссар области, чиновник 4-го класса, в ведении которого охрана северной границы Тибета. Пять племен, составляющие население области Хор, следующие:

- 1) Tse mar (rtse-dmar);
- 2) Atak-Memar (Artags-me-dmar);
- 3) Atak thomi (Artags-mtho-mi);
- 4) Paworo (Dpa-wo-ro);
- 5) Khömaro (khöi-ma-ro).

Все эти пять племенных групп не представляют этнических группировок, а являются административными делениями кочевой области. <...>

За восьмимесячное пребывание среди кочевников Хор экспедиции удалось открыть ряд предметов, орнаментированных в «зверином стиле». В каждодневном обиходе у кочевников были найдены всевозможные предметы с «звериным» орнаментом. Футляры огнив, пояса, фибулы, нагрудные бляхи, ножны мечей и ладанки оказались покрытыми орнаментом, повторяющим давно известные мотивы скифосибирского искусства. Тут были и бегущие олени, и антилопы, лежащие лоси, птицы, фигуры фантастических животных, переходящие в чистый орнамент. Все эти находки ясно говорили о древней связи кочевого Тибета с великим искусством Средней Азии. В далеких горных урочищах Тибета сохранились эти следы прошлого. Ни влияние Лхасы, ни мощное культурное давление Китая не сумели уничтожить пережитки древнего кочевого искусства тибетских племен. Тибетец-кочевник еще и поныне вдохновляется окружающей природой и следует заветам «звериной» орнаментики.

В исторические времена тибетские кочевники имели постоянные сношения с иранскими и другими палеоазиатскими племенами, кочевавшими вдоль всей пограничной полосы Западного Китая.

Древнейшее упоминание проникновения среднеазиатских племен на нагорья Тибета находится в гл. 123 китайского исторического труда Ши-зи, принадлежащего перу знаменитого историка Китая – Сыма Цяня. <...>

Теперь доказано, что главными носителями «звериного стиля» были иранские племена, и влияние иранских племен на тибетских кочевников явствует из существенных аналогий воинского и конного вооружения. Занесенный иранскими племенами «звериный», скорее «незвериный стиль» был воспринят тибетскими племенами и остается и поныне любимой орнаментировкой предметов быта и вооружения.

Сейчас еще не время широко поставить вопрос о тибетском «зверином стиле», и потому я здесь

ограничусь описанием нескольких характерных предметов, орнаментированных в этом стиле.

1) Тибетское огниво. На крышке, сделанной из черной сыромятной кожи, наложены медные фигуры оленьих самок с молодыми оленями. Животные изображены повернувшими головы назад. Трактовка фигур животных и сюжета ясно указывает на принадлежность изображения к скифосибирским мотивам. В середине огнива наложена медная бляха с изображениями восьми счастливых знаков (Ta-gita-gye) тибетской религиозной орнаментики. Область Западный Хор (Nub hor).

2) Огниво. На крышке, сделанной из черной сыромятной кожи, наложены медные фигуры ка-

Рис. 3. Изображение бегущего оленя на крышке ладанки (Дерге)

ких-то фантастических животных. Животные изображены срывающими плоды с дерева, стоящего между ними. Мотив этот хорошо известен среди скифосибирских древностей. Срав. золотую бляху из Сибири, ныне в коллекции Эрмитажа. М.И. Ростовцев, Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Seminarium Kondakovianum, Прага, 1929, табл. IV, 15. Область Западный Хор.

3) Огниво. На крышке наложены парные фигуры зверей, стоящие по сторонам дерева, имеющего вид пятилепестковой розетки. Западный Тибет, современной работы.

4) Медная бляха с изображением двуглавого орла в круге. Чрезвычайно редкий мотив в тибетском искусстве. Мотив двуглавого орла встречается в кавказских древностях и восходит к хеттскому искусству Малой Азии. Место находки: Чин-кар (Ching-Kar) к западу от Нагчу (Nag-chu).

5) Изображение бегущего оленя на крышке ладанки, дергеской работы. Изображения восьми счастливых знаков чередуются с изображениями бегущих оленей (рис. 3). Фигура животного, бесспорно, принадлежит к великому кочевому искусству, характеризующемуся «звериным стилем». Голова оленя обращена назад, что является частым мотивом среди скифосибирских древностей. Трактовка морды и глаз животного имеет многочисленные аналогии среди известных находок в сибирских курганах.

6) Изображение лежащего оленя на серебряном футляре из Дерге. Мотив лежащих оленей, лосей и антилоп хорошо известен в скифоси-

Рис. 4. Изображение оленя на серебряном футляре (Дерге)

бирском искусстве. Трактовка указывает на принадлежность изображения к среднеазиатскому культурному кругу. Тибетский мастер точно воспроизвел хорошо известный мотив среднеазиатского искусства (рис. 4).

7) Изображение фигуры птицы, быть может, лебедя, взятой с серебряного футляра, дергеской работы (рис. 5). Интересно отметить, что фигура птицы напоминает фигуры длинноклювых птиц (лебедей?), находящиеся на одном куске ткани, найденном Козловым в Ноинулинских курганах. (См. Краткие отчеты экспедиций по исследованию северной Монголии. 1925, Академия наук.)

8) Замечательный образчик тибетского «звериного стиля» находится в коллекции С.Н. Рериха в Нью-Йорке. Эта старая посеребренная бляха или пряжка, происходящая из области Дерге, изображает льва, головой повернутого к зрителю. Грива животного висит густыми прядями вокруг

головы. Трактовка тела полна необычайной силы. Задние ноги напряженно поджаты, и животное как бы готовится к прыжку. Хвост поднят, и весь облик животного выражает момент большой настороженности. На заднем плане изображены два дерева, соединенные ветками над головой животного. Под фигурой животного видны стилизованные холмы. Несколько трудно высказаться об употреблении бляхи. По бокам имеются прямоугольные отверстия, через которые как будто пропускался ремень. Бляха могла служить пряжкой на ремне либо нагрудным знаком.

Сравнивая эту пряжку с бляхой, изображающей яка, найденной П.К. Козловым в Ноинулин-

Рис. 5. Фигура птицы на серебряном футляре (Дерге)

ских горах Северной Монголии, поражаешься сходству сюжетов. На обеих бляхах центральной фигурой является фигура животного, стоящего справа налево с головой повернутой к зрителю. Трактовка шкуры животного в обоих случаях одинакова. На обеих бляхах на заднем плане изображены деревья, и, наконец, оба животных изображены стоящими на холмах. Ясно, что обе бляхи передают распространенный мотив кочевого среднеазиатского искусства, причем бляха козловских находок принадлежит северной периферии пояса распространения «звериного стиля», а пряжка коллекции С.Н. Рериха – южной окраине того же пояса.

Английский археолог Percival Yelts указывает (The Burlington Magazine, vol. XLVIII, 1926, pp. 168–185), что козловская бляха служила фаларой или украшением конского оголовья. Он сравнивает бляху с изображениями на сасанидском се-

ребрянном блюде, найденном по верхнему течению Камы.

Металлические орнаменты, изображающие фигуры животных и птиц, часто встречаются на поясах, носимых кочевниками. В коллекции экспедиции имеется несколько подобных поясов, богато выложенных серебряными и медными украшениями.

Остается сказать несколько слов о тибетском вооружении. Оружие, как и предметы быта, сохранило древние мотивы «звериной» орнаментировки.

Мы уже упоминали, что влияние среднеазиатских кочевников-иранцев особенно сказалось в области вооружения. Китайская конница, созданная в эпоху Хань, заимствовала свое вооружение и тактику от кочевников, постоянно угрожавших набегам на западную окраину Китая.

Длинный прямой меч китайской конницы этой эпохи сроден «сарматским» мечам юга России и кочевых (иранцы и индоскифы) племен соседней Азии. (Ср. М.И. Ростовцев, *Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль*, Seminar. Kondakovianum, Прага, 1929, гл. III; Waldemar Ginters: *Das Schwert. der Sk. und Sarm. in Süd Russland*, Berlin, 1928, s. 75.)

В конце IV – в начале III в. до Р. Хр. на смену легкой конницы скифов и хуннов, главным оружием которой является лук, появляется новый тип ударной панцирной конницы, вооруженной длинным мечом и тяжелым ударным копьем. Носителями этого нового вооружения и новой конной тактики явились иранские племена. Эта новая культура принесла за собой и обновление кочевого искусства. Необычайно широкое распространение среднеазиатских иранских племен широко раздвинуло границы распространения «звериного стиля». «Звериный стиль», появившийся в Китае в эпоху Хань, принадлежит этому сарматскому периоду.

Тибетские кочевые племена, издавна находившиеся в контакте с китайцами, хуннами и индоскифами (юэцжи), восприняли это новое вооружение и сохранили его и поныне. Доказательством этого служат форма длинных мечей

тибетской конницы, тяжелые копья и ударная тактика конных дружин кочевников.

Среди существующих типов тибетских мечей различают следующие разновидности:

1) Длинный двуручный меч, находящийся на вооружении тибетской пехоты (до введения современного обучения в войсках лхасского правительства). Длина меча свыше 1 метра. Обычно этот род меча называется у тибетцев *pa-dam* (*dpah-dam*). Эти мечи носились пешими воинами либо на спине, либо впереди, заткнутыми за пояс. Клинок – железный. Ножны, по большей части деревянные, редко обтягиваются кожей. Рукоять эфеса часто обтягивается кожей либо туго обвита медной проволокой⁸. Голова эфеса, а также перекрестие часто украшаются серебряной насечкой, но редко бирюзой или металлическим орнаментом. Перекрестие прямое, но часто овальное. Темляк прикрепляется либо к головке эфеса, либо к рукояти. Длинные двуручные мечи встречаются сравнительно редко и почти совершенно вывелись из употребления. Автору этих строк пришлось видеть несколько подобных мечей в крепости *Chag-lung Khag* в области *Namru*.

2) Длинный меч, или «ти» (*gri*), находящийся на вооружении конницы или пехоты (рис. 6). Носится впереди всадника, заткнутый за пояс, причем длина меча зависит от длины вытянутой руки всадника. Обычная длина меча – около 1 метра. Рукоять эфеса часто покрыта кожей либо делается из дерева. Головка эфеса и перекрестие (прямое) часто украшаются бирюзой, камнями или металлическими бляхами и орнаментом. Клинок – железный. Конец клинка скошен наподобие мечей китайской работы.

Среди типов орнаментации преобладают цветочные и геометрические орнаменты. Ножны обтягиваются кожей. Верхние и нижние наконечники ножен также украшаются бирюзой, камнями и металлическим орнаментом. Темляк прикрепляется либо к головке эфеса, либо к рукояти.

Этот весьма распространенный тип меча прямо восходит к «сарматским» мечам ханьской эпохи. Мечи с прямым перекрестием получили ши-

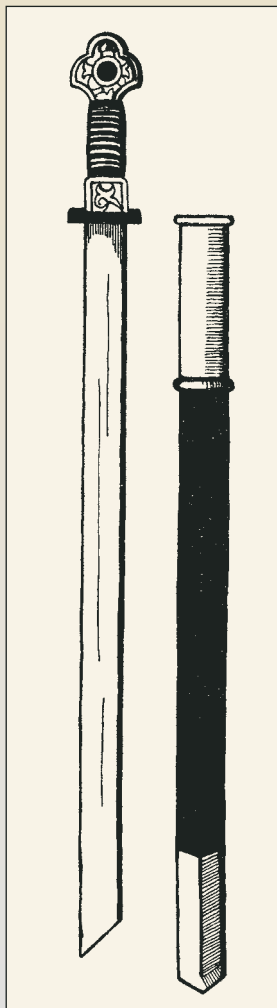

Рис. 6. Тибетский меч кхамской работы, типа «ти» (длина 1 м)

⁸ Скандинавские мечи имели эфесы, обвитые серебряной проволокой. Сравни *Birger Nerman, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit*. Stock., 1929, Fig. 80. Выражаю благодарность проф. А.П. Калитинскому, обратившему мое внимание на эту работу.

рокое распространение, их знали индоскифы Индии, они были распространены в Китайском Туркестане VI – VII вв. по Р. Хр. (Сравн. фрески Кизила и Кумтуры, оазис Куча.)

3) Короткий меч, или «ре-ти» (ral-gri) (рис. 7). Находится на вооружении конницы и пехоты. Носится также впереди воина. Эфес и ножны покрываются металлическим орнаментом и украшаются бирюзой и камнями. Широко распространенными мотивами орнаментации являются: цветочный орнамент, китайский дракон, группы фантастических животных. Ножны обтягиваются кожей. Клинок – железный. Конец клинка заострен. Мечи типа 2 и 3 в некоторых районах Кхама (Восточный Тибет) носят на левой стороне на ремне, пристегиваемом к поясу.

4) Сабля (cog-lang) находится на вооружении конницы и носится преимущественно начальствующими лицами и чиновниками. Обычно пристегивается к седлу под левой ногой всадника. Эфес и наконечники ножен часто украшаются металлической орнаментацией, бирюзой и камнями. Преобладает китайский орнамент. Боевой конец клинка несколько закручен. Сабля заимствована из Китая и особенно часто встречается в Восточном Тибете.

Другим ударным оружием тибетцев являются копья. Тибетские кочевники употребляют два вида копья:

1) Тяжелое ударное копьё – длина от 7 до 10 футов⁹. Навершие копья железное и узкое.

2) Дротик, или короткое копьё. Длина 5 футов¹⁰. Древко крепко обвито железным жгутом. Вдоль древка скользит железное кольцо, к которому прикрепляется ремень либо крепкая веревка. Другой конец ремня прикрепляется к кольцу, находящемуся на конце древка. Бросая копьё, всадник держит его высоко на вытянутой руке. При бросании копья ремень не выпускают из руки, причем железное кольцо скользит по древку. Расстояние полета дротика равно длине ремня. Дротик употребляется кочевниками в конном бою и только на ближних дистанциях.

Холодное оружие создало из тибетцев ударную конницу, стремящуюся сбить противника конным шокотом и вести бой на близких дистанциях.

Бой современных конных отрядов кочевников состоит в атаке и стремлении охватить противника с фланга. Летучие отряды кочевников, на скаку осыпавших противника градом стрел, неизвестны тибетцам. Лук редко употребляется в современном Тибете и главным образом представляет

из себя предмет спорта – национальной игры. Большинство современных луков ввозится из Китая и Бутана (W.W. Rockhill, Notes on the Ethnology of Tibet. Washington, 1895, p. 71).

Знаменитые конные состязания лучников, происходящие ежегодно во время новогодних празднеств (Dzohg gyar-sham-pe), являются иностранным заимствованием и относятся к эпохе Гуши Хана (1640 г. по Р. Хр.). Участники состязаний изображают монгольскую конницу Гуши Хана.

Появление современного огнестрельного оружия среди кочевников Северного Тибета изменит, по всей вероятности, тактику кочевнических дружин. Вопрос о тибетском панцирном вооружении всадника и коня еще подлежит детальному обследованию, но несомненно, что и в этой области Тибет заимствовал у своих северо-восточных соседей – иранцев, хуннов, монголов, постоянно теснивших пограничные тибетские племена.

Все вышеприведенные данные свидетельствуют о существовании в Тибете кочевой культуры и о сродстве этой культуры со среднеазиатским культурным миром. Горный характер страны сохранил пережитки далекого прошлого. До последнего времени главное внимание западных ученых привлекалось искусством буддийского Тибета, создавшего красочную религиозную живопись и характерную скульптуру. Ныне открываются новые перспективы на богатое кочевое прошлое, предшествовавшее монашеской культуре Тибета.

Произведенное экспедицией археологическое обследование приоткрыло двери в тайники кочевое прошлого Тибета и наметило пути к дальнейшему исследованию страны.

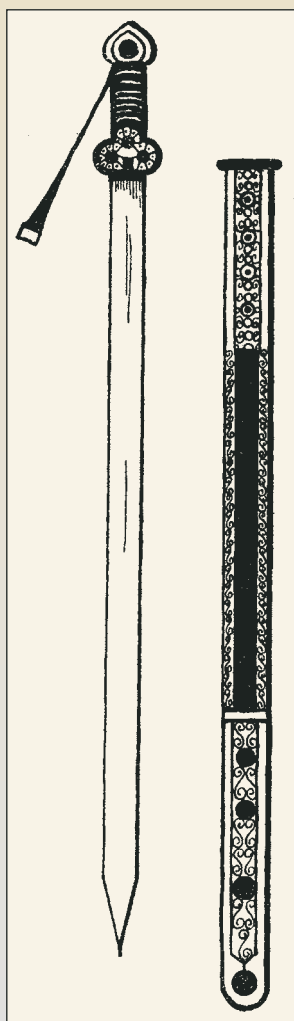

Рис. 7. Тибетский меч дергеской работы, типа «ре-ти» (длина 75 см)

⁹ Примерно 2,1–3 м. – Прим. ред.

¹⁰ Примерно 1,5 м. – Прим. ред.